

О'Нил Н.

12.88

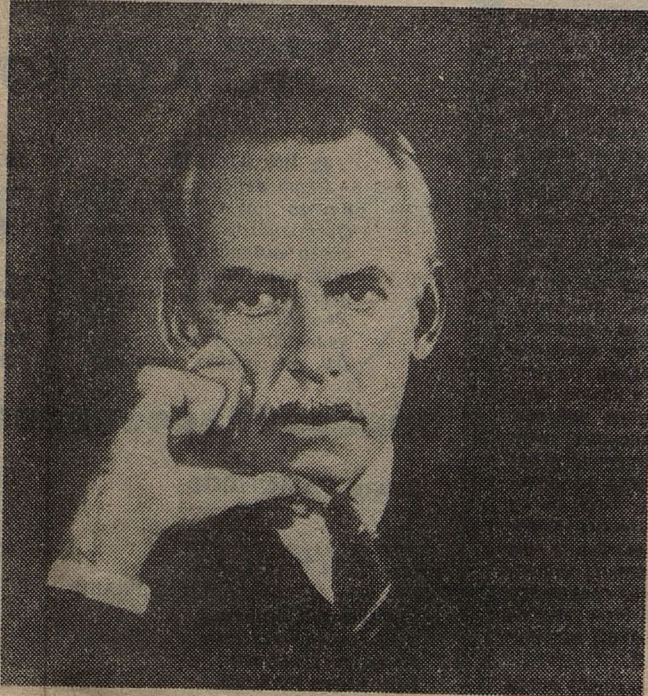
Литгаз.

14 ДЕКАБРЯ 1988 г. № 50 (5220) - с. 15

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

О'Нил знакомый и незнакомый

К 100-летию
со дня
рождения

«КОСМАТАЯ обезьяна», «Всем детям божьим даны крылья», «Любовь под вязами», «Странная интерлюдия», «Траур — участь Электры», «Продавец льда грядет», «Долгое путешествие в ночь» — эти и другие пьесы Юджина О'Нила обошли сцены крупнейших театров мира. Высшим выражением международного признания творчества американского драматурга явилось присуждение О'Нилу в 1936 году Нобелевской премии.

О'Нил осуществил подлинную революцию в американском театре.

Господствующим представлениям о театре как развлечении, призванном потворствовать вкусам буржуазной публики, он противопоставил идею театра-храма, чье истинное предназначение — отстаивать добро, утверждать достоинство человека и величие человеческого духа.

Бурная творческая активность художника в 20-е годы, когда пьесы О'Нила одна за другой приходили к зрителям, сменилась в начале 30-х затворничеством, продолжавшимся, по существу, до конца его жизни. В это время О'Нил практически разорвал все связи с театром, да и театр редко вспоминал о нем — пьесы его почти исчезли со сцены. Но в эти годы шла чрезвычайно интенсивная внутренняя работа драматурга. В этот период готовились его высшие художественные творения, такие, как «Продавец льда грядет» и «Долгое путешествие в ночь», премьера которой состоялась уже после смерти драматурга.

В это же время О'Нил начал работу над грандиозным замыслом, не имеющим аналогов в истории мировой драматургии, — циклом пьес (их число в конце концов достигло одиннадцати), охватывающих полтора тысячелетия истории Соединенных Штатов, от времен Войны за независимость до начала нынешнего столетия.

Тяжелая болезнь, которой были омрачены последние двадцать лет жизни драматурга, не позволила ему завершить работу над этим замыслом. Не желая выносить на суд потомков произведения, которые он считал незавершенными, О'Нил принял решение уничтожить все написанное для цикла, пощадив лишь одну законченную вещь — пьесу «Душа поэта». Обнаруженные американскими исследователями архивные материалы, а также переписка позволяют понять направление его мысли и масштабы этого, к сожалению, неосуществленного замысла*. Среди этих материалов оказались также наброски еще трех ранее неизвестных пьес, центральная тема которых — соотношение власти и личности, человечности и государственности, материализма и духовности.

Так, в пьесе «Последнее завоевание» эти проблемы выражены в форме притчи, где борьба Добра со Злом представлена фигурами Христа и Сатаны. Ниже приводится первый набросок этого замысла, которому О'Нил дал название «Тринадцатый апостол». В этом году в издательстве «Унгар-Континуум» вышла книга «Незаконченные пьесы» О'Нила, подготовленная одним из крупнейших исследователей его творчества — Вирджинией Флорид.

Советский театр не прошел мимо драматургии О'Нила. Самообытный художественный мир американского драматурга получил блистательное сценическое воплощение в спектаклях, осуществленных в Камерном театре Александром Таировым. По известному признанию автора, это были лучшие постановки его пьес, какие он видел. Как показывает приведенное ниже письмо, О'Нил искал и других связей с русской культурой. Можно лишь пожалеть, что его стремлениям не суждено было осуществиться.

* Большинство рукописей О'Нила находится в архиве Йельского университета, который подготовил к печати том стихотворений, том переписки с Макгауэном и другие материалы.

СТРОКИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ «Декабрь 1926»

Дорогой Кеннет!

Всего пара строк наспех в ответ на твое последнее послание. Надеюсь, ты получил рукопись в целостности и доволен тем, что я сделал. Сожалею — отчасти — о неудаче с Хэйлом², хотя вовсе не уверен, что он мог бы тут что-нибудь сделать. То же самое ощущение и с Чалмерсом, хотя в отношении него я настроен более оптимистично. Он прочел пьесу? Что до Дидурра, это не тот ли тип с польским акцентом? Не слишком хорош! Хотя бы попытаться кто-нибудь увидеться с Шалепиным? Или устроить так, чтобы ему прочитали пьесу? Интуиция по-прежнему склоняет меня к нему. Отчего бы не сделать прекрасный перевод роли Лазаря³ на русский — скажем, Булгаков, — и пусть Шалепин исполняет ее на родном языке, а остальные по-английски? Это даст чудесный странный эффект. А что до того, насколько большинство средних зрителей поймет, о чем толкует Лазарь, так, может, это им было бы куда яснее по-русски! Звучит пессимистично? Что ж, верно, да и сам я пессимист. Ни один режиссер в мире ничего не сможет сделать с моей пьесой, — выйдет только жуткий, унижающий — для меня! — пшик, пока не найдут нужного Лазаря. Любое иное предположение — обычная театральная игра вслепую в надежде на чудо там, где просто не существует бога. Откровенно говоря, от этой чикагской затеи³ я ничего особого не жду, уверен лишь, что ты способен выжать максимум из того, что есть под руками. Знаю, что ты это сделаешь. Но, между нами, я чертовски сожалею, что мне так нужны эти пять тысяч — что Риджфилд не продан! — я страшно боюсь, что это как раз те самые пять тысяч, о которых я буду сожалеть всю остальную жизнь. Не то, чтобы я сомневался в Геринге⁴ или в ком-то еще. Но что у тебя есть без великого Лазаря?

Да, грим наподобие маски может подойти для Калигулы⁵ и пр., но тогда он должен быть лучше любого грима, какой мне когда-либо доводилось видеть.

Постарайся удержать «За горизонтом»⁶ в «Принсесс» или еще где-нибудь — «Мэйфэр» — где угодно, лишь бы не снимать. ЭТО чертовски важно.

Как насчет Уолтера Хастона⁷ на Тиберию?

Умоляю еще раз, оставь шанс идее от-носительно Шалепина, не принимай рассказов агентов о нем за нечто само собой разумеющееся. Знаешь, пьеса могла бы заставить его пойти на многое, что не прельстит его агентов, работающих на проценты от его выручки. Я бы стократно предпочел, чтобы он исполнил эту роль по-русски, нежели любой другой по-английски.

Джин

¹ Письмо адресовано Кеннету Макгауэну, видному американскому театральному деятелю 20-х гг.

² Ричард Хэйл и, далее, Томас Чалмерс, американские актеры, Адам Дидур, польский певец, выступавший в то время на сцене «Метрополитен оперы», — все они, по-видимому, предлагались О'Нилу в качестве исполнителей роли Лазаря в его пьесе «Лазарь смеялся».

³ Речь идет о предполагавшейся в Чикаго постановке пьесы «Лазарь смеялся».

⁴ Мэрион Геринг — американский режиссер и продюсер. С ней велись переговоры о постановке «Лазаря» в Чикаго.

⁵ Калигула и, ниже, Тибериус — римские императоры, персонажи названной пьесы.

⁶ «За горизонтом» — пьеса О'Нила, впервые поставленная на Бродвее в 1920 г.; за нее он был удостоен своей первой Пулицеровской премии.

⁷ Американский актер, исполнивший роль Эфраима Кобота на премьере пьесы О'Нила «Любовь под вязами».

ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ

Авг. 30, 1940

Замысел

Пьеса о Христе и Дьяволе на горе «Голгофе» (двойственность психики Человека — противоположности — применительно к современному мировому кризису). Чистая поэтическая форма.

Психологическая идея — двойственность человека — Христос и Сатана как противоположности — отречение/обладание — тот, кто обретет свою жизнь, ее потеряет/жажда власти — смирение/гордыня — верующий в душе человека/проклятый материалист и самозванный реалист, признающий реальным лишь хитрое животное, наделенное рассудком, — обманчивость последнего, поскольку это самооправдание, за которым кроется отвращение к себе.

Неизбежный исход сцены искушения — которая есть не что иное, как попытка Дьявола навязать Христу свои ценности, заставить его продаться, доказать, что

души не существует, завладеть ею, — неуверенность Сатаны перед лицом отказа Христа — унижительность «для него» Христова понимания, жалости и любви — ощущение, что его самого одолевает искушение, страстное желание отречься — ненависть и месть — придется прибегнуть к пыткам — телесная боль заставит отречься от веры — пытка; говорит, что сделает с ним «с Христом» — предательство Иуды, естественное средство для достижения цели и символ вечной продажности человеческой души — терновый венец (размышление Христа: «Значит, ты уже отрицаешь, что твой венец из терний»), избивание и т. д. — а если не отречется, — распятие — по замечанию Христа, — «самоубийство духа».

Дьявол преобразуется в пьесе во многих персонажей — Иуда — Верховный Жрец — Понтий Пилат — Петр (3 отречения) — центурион во время распятия, который вывешивает на кресте надпись: «Радуйся, Царь Духа», — который кричит: «Спасает их — посмотрим, как он спасет себя» — который приказывает солдатам бросить жребий и разделить одежду духа — который настаивает, что Христос хочет пить, и тогда дает ему уксус.

Сцена последней вечери.

Сцена въезда в Иерусалим — Дьявол устроил бурлеск триумфа Цезаря — осел и т. д. — люди хватаются за возможность фиесты, карнавала, выпивки — Дьявол говорит им, не обращайтесь внимания, если вам не понятно, к чему он клонит, — вам понятна еда и т. д.

Распятие на вершине той же горы.

Распятие — исполненные мстостью толпы, постепенно садизм переходит в жалость и ужас — Дьявол замечает это: «Они становятся сентиментальны. Слишком долго он умирает», — посылает в толпу свою тайную полицию — нахлебывания шпионов в толпе — потом все будут бояться открыть рот — вечно подозревают друг друга — и справедливо — приказывает расходиться по домам и не слушать новостей (трансляция распятия по радио?).

Дьявол говорит: «Построю здесь шале — для размышлений о природе человека — о его себялюбии, его глупости и т. д., и т. д. — его обожании власти...»

Наконец он отсылает всех: «Ты слишком долго умираешь, Брат. Не учтиво — когда ты знаешь, как я желаю мира».

Вступление и перевод с английского М. КОРЕНЕВОЙ